

Через политические
обвинения
к социалистическому
реализму:
обсуждение повести
А. М. Дмитриева
«Есть — вести корабль»*

Through Political
Accusations to
Socialist Realism:
Discussion of
A. M. Dmitriev's
Novel "Aye to Steer
the Boat"

**Анастасия Владимировна
Сысоева**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской
академии наук,
С.-Петербург, Россия

Anastasia V. Sysoeva

Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме¹

Целью исследования является определение одного из механизмов регламентации литературного творчества в СССР начала 1930-х гг., задачами — анализ методов ведения дискуссии; выявление основных требований к

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00549 А «Канон советской оборонной литературы: состав, определяющие черты, локальные вариации (Ленинград и Москва)».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00549 А «The Canon of Soviet Defense Literature: Content, Key Characteristics, Local Varieties (Leningrad and Moscow)».

Цитирование: Сысоева А. В. Через политические обвинения к социалистическому реализму: обсуждение повести А. М. Дмитриева «Есть — вести корабль» // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 2. С. 187–208.

Citation: Sysoeva A. V. (2022) Through Political Accusations to Socialist Realism: Discussion of A. M. Dmitriev's Novel «Aye to Steer the Boat». *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 187–208.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.9

тексту; рассмотрение внесенной в переиздания правки. В ходе проведения исследования были изучены ранее не вводившиеся в научный оборот архивные документы (материалы двух устных обсуждений повести А. М. Дмитриева «Есть — вести корабль» (1931), переписка) и письменные отклики, опубликованные в периодических изданиях. Повесть воспринималась как достояние «воспитавшей» автора организации, Литературного объединения Красной армии и флота. В статье представлены ключевые моменты развернувшейся широкой дискуссии, в которой отразились отголоски борьбы руководства РАПП с группой «Литфронт». Политические обвинения, риторические приемы, основанные на логических ошибках, противоречащие друг другу упреки характеризуют атмосферу эпохи, свидетельствуют о применении презумпции вины даже к лояльному новой власти писателю, а также позволяют говорить о значительном влиянии критиков и политических работников на правку текста. В статье выделены повторявшиеся ожидания от произведения, которые отразили движение советской литературы начала 1930-х гг. к единому соцреалистическому методу. Предполагалось, что писатель будет правдоподобно изображать желаемый образ действительности в соответствии с текущей политикой партии, предлагая читателю образец для подражания — положительного героя-большевика. В этот же период начало складываться требование писать простым и литературным языком.

Ключевые слова

А. М. Дмитриев, соцреализм, Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), оборонная литература, политика и литература, агентность читателя, литературная критика

Abstract

The objective of the study is to determine one of the regulatory mechanisms of literary practices in the early 1930s USSR. The paper aims to analyze the methods of discussion; to identify the main requirements for literary texts; to review the changes made in reprints. In the course of the present research, we studied archival documents which had previously not been introduced into academic study (materials from two oral discussions of A. M. Dmitriev's novel "Aye to Steer the Ship" (1931), correspondence), as well as reviews published in periodicals. The novel was perceived as an achievement of the Literary Association of the Red Army and Navy, which "tutored" its author. The article presents key points of the extensive discussion that reflected the ramifications of the RAPP's leaders' confrontation with the "Litfront" group. Political accusations, rhetorical techniques based on logical fallacies, contradictory reproaches all characterize the discourse of the era, while indicating that presumption of guilt was applied even to a writer loyal to the new regime. They also allow us to talk about the significant influence of critics and political workers on editorial amendments made to the text. The article highlights recurrent demands placed on the text, which reflected the shift of early 1930s Soviet literature towards the sole Socialist Realism approach. It was assumed that the writer would plausibly depict the preferred constructed image of reality in accordance with the current policy of the party, offering the reader a role model—a

Bolshevik hero. The same period saw the onset of the requirement to write in a simple literary language.

Keywords

A. M. Dmitriev, Socialist realism, Literary Association of the Red Army and Navy (LOKAF), defense literature, politics and literature, reader agency, literary criticism

Разрушение прежнего государственного строя, образование Советского Союза сопровождались «воспитанием» нового человека, а также нового советского писателя. Одним из способов формирования писателя стали открытые коллективные обсуждения произведений, которые зачастую оказывали прямое влияние на правку текста при его переиздании. Особую ценность для исследователя представляют эти обсуждения в период, предшествовавший провозглашению единства творческого метода социалистического реализма на съезде советских писателей в 1934 г.¹ Подобные дискуссии не только характеризовали непосредственно предмет обсуждения, но и фиксировали представления о том, какой должна быть советская литература.

Литературная ситуация начала 1930-х гг. представляла собой сложное сочетание разнонаправленных тенденций, среди которых можно выделить два полюса. С одной стороны, писатели еще выступали в роли первооткрывателей новых форм или — чаще — новой действительности, которая зачастую виделась принципиально отличающейся от до-революционной. Рассказ о новом мире определялся в первую очередь новым материалом, среди множества примеров можно назвать роман В. П. Катаева «Время, вперед!» (впервые опубликован в журнале «Красная новь» в 1932 г.), о «новых формальных поисках» речь идет в предисловии В. В. Вишневского к его пьесе «Последний решительный» (опубликована в 1931 г.) [Вишневский 1931: 3]. С сохранением возможности эксперимента связана ориентированность литературы на читателя: были важны его мнение и восприятие. С другой стороны, шло усиление регламентации литературного процесса².

Именно в этот период (летом 1931 г.) вышла повесть Адама Мартиновича Дмитриева (1902–1936)³ «Есть — вести корабль». Материалы дискуссии по поводу произведения дают показательный пример того,

¹ Сам термин «социалистический реализм» впервые был применен в «Литературной газете» 23 мая 1932 г. [Гронский 1932].

² Х. Гюнтер относит первую половину 1930-х гг. к фазе канонизации соцреализма [Гюнтер 2000: 283].

³ Личный фонд А. М. Дмитриева хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН. Обзор материалов фонда см.: [Полякова 1974].

как происходило в СССР в начале 1930-х гг. формирование требований к литературе, легших в основу соцреализма.

Дмитриев был выведен в резерв флота для руководящей работы в Ленинградско-Балтийском отделении Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ)⁴. Резервисты отправлялись на гражданские предприятия для выполнения военных задач, их деятельность приравнивалась к действительной военной службе⁵. Организацию курировало политическое управление армии. Апеллируя к тому, что деятельность ЛОКАФ, работавшего с начинающими авторами из красноармейской и краснофлотской среды и с профессиональными писателями, обращавшимися к военной тематике, вносит вклад в укрепление обороноспособности страны, отделение обращалось за финансовой поддержкой в Осоавиахим, Ленинградский обком ВКП(б) и другие общественно-политические и партийные структуры. В критических статьях локафовцев утверждалась необходимость подчинить литературу задачам «господствующего класса»⁶. Дмитриев как бывший политработник разделял взгляды об управляемости литературного процесса и подчиненности его внелитературным задачам: так, в частном письме братьям Л. М. и М. М. Субоцким писатель делился своими соображениями о том, как получить «большое произведение об армии» [РО ИРЛИ 54: 3 об.]⁷ (его предложение сводилось к выдаче заданий лучшим писателям, предоставлению им длительного творческого отпуска и обеспечению материалом).

Произведение Дмитриева — первая локафовская повесть о современном флоте. Книга вышла в специализированной серии Ленинградско-Балтийского отделения «Литература и война» (за 1931–1932 гг. Государственное издательство художественной литературы выпустило в серии около 30 книг военной тематики). Дмитриева можно отнести к начинающим авторам. К 1931 г. он опубликовал 6 рассказов в ленинградской периодике (в газете «Красный Балтийский флот» и журнале «Красный флот»)⁸. Актив ЛОКАФ во время одного из обсуждений его повести «Есть — вести корабль» был назван инстанцией, «воспитав-

⁴ О деятельности организации см.: [Добренко 1993; Закружная 2019а; Сысоева 2020; Eadem 2021] и др.

⁵ См. закон об обязательной военной службе от 13 авг. 1930 г., ст. 188.

⁶ См., например, [Свирин 1931а: 7].

⁷ Письмо написано 15 марта; год, судя по содержанию, 1933 или 1934. Михаил Матвеевич Субоцкий (1900–1938) в этот период был заместителем начальника отдела культуры и пропаганды Политуправления РККА, Лев Матвеевич Субоцкий (1900–1959), бывший локафовец, — секретарем Оргкомитета Союза советских писателей, служил в военной прокуратуре.

⁸ Сведения взяты из библиографии, составленной автором для заявления о приеме в Союз советских писателей [РО ИРЛИ 112: 1].

шей» его как автора [РО ИРЛИ 23: 4], в письме критика, преподавателя В. П. Друзина Дмитриеву об адресате говорилось как о «локафовском самородке» [РО ИРЛИ 64: 7 об.], так что книга его вызывала интерес в том числе как результат деятельности организации по созданию необходимой партии литературы по военным вопросам. Такая литература получила название оборонной, она вводила оценки событий и их участников, зачастую полярные, опираясь на партийные установки (создавала положительный образ современных армии и флота, транслировала миф о Гражданской войне, готовила к будущей войне и пр.). По аналогии появились термины «оборонный писатель», «оборонный критик».

Отсылки в критических статьях к повести и после завершения широко развернувшейся в 1931 г. дискуссии, сравнения ее с другими произведениями на темы флота, призывы выйти в этих сравнениях за рамки локафовской литературы и встроить ее в ряд пролетарских произведений, четыре издания книги за 1931–1936 гг. свидетельствуют о том, что текст воспринимался как значимый. В повести выведено несколько героев, с которыми связаны отдельные сюжетные линии, большинство из них представляют собой самостоятельные зарисовки, так что текст по структуре приближается к набору новелл, объединенных местом действия (советский крейсер, приписанный к Кронштадту). Единство произведению придает основная сюжетная линия, которая строится вокруг командира дивизиона и определяет приключенческий характер повести. В первую очередь произведение стоит рассматривать как факт эпохи: после 1936 г. книга не переиздавалась.

Исследователи отмечали, что организационная и идейная основы деятельности ЛОКАФ предвосхищали принципы функционирования Союза советских писателей [Добренко 2000: 236; Закружная 2019б: 50]. В дискуссии вокруг повести воплотился подход организации к творчеству и работе с писателем.

Дмитриев видел свою задачу не только как творческую, но и как политическую, так ее понимали и читатели, считывавшие в первую очередь идеологическую составляющую повести. Так, например, во время обсуждения политработник Вороневский заметил: «Это не есть только литературное произведение, а литературно-политическое произведение, и я особенно подчеркиваю ее политический характер» [РО ИРЛИ 24: 86].

Жизнь изображенного в повести корабля была насыщена приметами нового времени: проводились политические занятия, в том числе в игровой форме, проходили заседания ячеек партии, соцсоревнования, изобретательство и рационализаторская работа. Герои книги говорили о том, что необходимо написать новую краснофлотскую песню. Это

отвечало запросу власти: в те годы проводилась кампания по созданию массовой советской песни. Отрывки из повести при желании можно было бы использовать в учебниках политграмоты. Дмитриев подчеркивал разницу между старым и новым флотом, описывал сознательность краснофлотцев, их желание учиться и вклад партии в работу с ними. Судя по содержанию повести, автор стремился сделать свое произведение полезным для партийной работы и отвечающим новым реалиям.

Дмитриев эпиграфами к повести вписал ее в политический контекст. Он выбрал цитату из речи Сталина о задачах хозяйственников на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности от 4 февраля 1931 г.: «Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве в технику, и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами дела» [Сталин 1951: 37]. Сделал он это тогда, когда упоминание руководящей роли Сталина применительно к литературному творчеству еще не было широко распространенным. Дмитриев уловил начало поворота. Так, в журнале «На литературном посту» призыв создавать художественные произведения, опираясь на выступления Сталина, в частности, на его речь о политике по отношению к старым кадрам, появился в августе 1931 г. [Б. п. 1931б: 1]. В качестве второго эпиграфа Дмитриев использовал отрывок из стихотворения В. В. Маяковского 1928 г. «Классовый враг». Оба эпиграфа перекликались с содержанием повести: один из персонажей — старый специалист — поддался влиянию классового врага.

Разбор произведения даже лояльного новой власти автора основывался на презумпции вины писателя⁹. Первое же выступление по поводу повести в печати сопровождалось выдвиганием политического обвинения.

С. Рабинович¹⁰ считал, что «автор не понял всей установки политической речи т. Сталина, и в основе своего решения положил тезис

⁹ Или как минимум ошибки, о создании культа ошибки см.: [Юрганов 2020]. Культ этот был значим не только для философских дискуссий, о которых идет речь в книге, но и для литературных диспутов, а также других сфер жизни советского гражданина.

¹⁰ Л. С. Соболев в письме от 25 июля 1931 г. сообщил Дмитриеву: «Тебя обложили в Литгазете, посылаю тебе экземпляр, но прошу вернуть, когда приедешь: это мой, единственный, — у газетчиков нигде нет. Не огорчайся шибко. Интересно, не наш ли Рабинович это расписался? (пубалтовский?)» [РО ИРЛИ 94: 1]. Соболев, вероятно, имел в виду Соломона Зиновьевича Рабиновича (1898–1942), который служил заместителем начальника полуправления Морских сил Балтийского моря. Свирин же в письме Дмитриеву от 27 июля не сомневался в личности автора: «ты его знаешь: толмачевец, был у нас в Ленинграде» [РО ИРЛИ 91: 15], то есть рецензент на момент написания письма в Ленинграде не жил. Автором рецензии предположительно был Самуил Евгеньевич Рабинович (1901–1938), находившийся в 1930-е в Москве, военный историк, работавший в «Советской военной энциклопедии», помощник К. Е. Ворошилова. Оценка книги

Маяковского, тезис, из которого вытекает только одно: бей классового врага» [Рабинович 1931]¹¹. В подтверждение этой мысли Рабинович привел эпизод из повести — спор комиссаров Базанова и Смехова. Смехов высказывался за разгром всех старых специалистов. Базанов (один из ведущих героев произведения, служивший на описанном в повести крейсере) выступил против, но «был со многими мыслями Смехова невольно согласен» [Дмитриев 1931: 92]. Вторым подтверждением идеологической нечеткости писателя было названо то, что пророчество Смехова о предательстве командира дивизиона Лев-Карачевского сбылось. Из этого был сделан вывод о левом загибе (а именно о стремлении избавиться от всех старых специалистов как от ненадежных) самого Дмитриева вслед за его героем Смеховым.

Стоит отметить, что эти два эпиграфа относятся к разным аспектам кадровой политики и их соположение в рецензии видится неубедительным. В речи, цитата из которой была приведена в повести, Сталин говорил о необходимости формирования новых специалистов из большевиков. А эпиграф из Маяковского, по словам Рабиновича, характеризует разделяемую Дмитриевым политику по отношению к старой интеллигенции. В одной из ближайших к времени выхода рецензии речей Сталина (в выступлении на совещании хозяйственников «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» от 23 июня 1931 г.) речь зашла именно о политике по отношению к старым кадрам, появилось осуждение «спецеества», исходившего из недоверия ко всем специалистам, оставшимся работать с дореволюционных времен. Можно говорить о подмене одного доклада другим: Рабинович начал с того, что Дмитриев не понял речь Сталина от 4 февраля, а в качестве доказательства благосклонного отношения партии к части старых специалистов привел слова из июньского выступления. Такая подмена свидетельствует о том, что выступления Сталина воспринимались как единый текст.

Рецензия, содержащая также хвалебные высказывания в адрес автора, не читалась как разгромная, что подтверждает письмо ведущего теоретика Ленинградско-Балтийского отделения, с которым Дмитриева связывали дружеские отношения, Н. Г. Свирина: «В “Литгазете” помещена статья о твоей книге. Я оказался пророком: Рабинович <...> кроет за “левый загиб”. Но в общем — я бы на твоём месте рецензией был доволен — очень сочувственная» [РО ИРЛИ 91: 15].

Рабиновичем как влиятельным политработником имела значение для ЛОКАФ, подконтрольного Политическому управлению РККА.

¹¹ Статья была помещена на странице, посвященной международному антивоенному дню, а фактически — деятельности ЛОКАФ.

Ленинградско-Балтийское отделение должно было обозначить позицию по поводу повести своего члена. В письме к Дмитриеву Л. С. Соболева от 4 августа сказано: «Упрек твой о “Есть” меня уколол. Плюю на Всеволода <Вишневского> и сажусь писать, пришлю тебе на сверку» [РО ИРЛИ 94: 8]. 8 августа Свириин описал Дмитриеву ситуацию с рецензией на повесть («Как я ни добивался, но не удалось дать в № 9 “Залпа” статьи о твоей книге: Соб<олев> занят, Вишневский — лодыря корчит» [РО ИРЛИ 91: 4 об.]) и сообщил о планах подготовки совместной с Соболевым рецензии.

Они выступили с защитой Дмитриева письменно 24 августа [Свириин et al. 1931], опираясь на ту же июньскую речь Сталина, что и Рабинович¹². По словам Сталина, «советская власть могла практиковать лишь одну единственную политику в отношении старой технической интеллигенции — политику *разгрома* активных вредителей, *расслоения* нейтральных и *привлечения* лояльных» [Сталин 1951: 70]¹³. Авторы заявили, что герой Дмитриева Базанов на практике проводил применительно к разным бывшим офицерам царского флота разную политику: привлечения лояльных (по отношению к Калининкову), расслоения нейтральных (по отношению к Смеловичу и Щеглову).

Недоумевал по поводу отзыва Рабиновича и Друзин в письме Дмитриеву от 23 ноября 1931 г., отметив, вслед за Свириным и Соболевым, четко прописанное в книге деление старых кадров по типу отношения к новой власти:

Не знаю, в каком состоянии писал Рабинович свою рецензию в «Литгазете» — ведь у тебя яснее ясного, чересчур назойливо подчеркнуто расслоение интеллигенции, и вредители так же схематично противопоставлены честным интеллигентам, как и вскрыты разные уклоны в этом деле в среде коммунистов. Что за тупость критическая! [РО ИРЛИ 64: 4об.].

Основное внимание в повести Дмитриев уделит командному составу крейсера. Выделена группа молодых командиров, которые прошли обучение при новой власти. Они полны энтузиазма, временами ошибаются, показаны не дифференцированно. Их обучает и покровительствоважно к ним относится старший помощник капитана Сундуков, который служил в старом флоте боцманом. Старший командный состав представлен в основном бывшими офицерами царского флота, которые по-разному относятся к новой власти. В повести подробно описана

¹² В. А. Шошин [2006: 179] писал об интересе к повести со стороны критиков и читателей, обращаясь к упомянутым статьям Рабиновича; Свирина и Соболева, а также к отзыву курсанта Военно-морского училища им. Фрунзе В. Черникова.

¹³ Здесь и далее изменения шрифта в тексте авторские.

судьба командира дивизиона и корабля Лев-Карачевского. После эмиграции он вернулся в Россию, скрыв причастность к белому движению. На него вышел прежний его знакомый по политической деятельности в эмиграции Васильев, который убедил Лев-Карачевского во время маневров выстрелить боевой торпедой во французский крейсер, чтобы у противника был повод обвинить СССР в нападении и развязать войну. Военный комиссар Базанов отменил приказ об атаке, арестовал Лев-Карачевского и Васильева и назначил командиром Сундукова.

Тот факт, что разгрому Лев-Карачевского и Васильева уделено основное внимание, Свирин и Соболев оправдывали тем, что «книга писалась в период разгара вредительства, когда политика партии по отношению к этим слоям технической интеллигенции выражалась “главным образом в политике разгрома” (Сталин)» [Свирин et al. 1931].

4 сентября в редакции журнала «ЛОКАФ» состоялась дискуссия о повести, которую открыл Рабинович. Он отметил, что Дмитриев показал разные варианты работы со специалистами, а также пояснил претензии по поводу цитаты из Сталина: ошибка виделась в том, что в повести шла речь о замене старых кадров новыми, а не об «овладении техникой теми, кто этой техники не знал» [РО ИРЛИ 23: 10]. Рабинович уже не связывал первый эпиграф с политикой партии по отношению к старым специалистам, но применил для обвинения другую логическую ошибку. Неверным был назван показ классовой борьбы в армии, с этим никто не решился бы спорить, ситуация считалась практически невероятной из-за давнего внимания партии к армейским кадрам и классового принципа формирования армии. Рабинович проигнорировал факт принадлежности командного состава крейсера к числу бывших офицеров царского флота. В итоге то, что Дмитриев уделил основное внимание действиям Лев-Карачевского, было вновь сведено к политической ошибке. Обвинение в левом загибе Рабинович тоже сохранил, смягчив формулировку («получилось, может быть, невольно, что автор солидаризуется с политической установкой Смехова») [Ibid.: 8].

Свирин подчеркнул, что речь Рабиновича отличалась от рецензии, в которой повесть оценивалась «односторонне и схематично» [Ibid.: 28]. Он согласился с некоторыми положениями Рабиновича, в частности, с тем, что в армии возможно только отражение классовой борьбы и Дмитриев нечетко проследил специфику проблемы кадров в условиях флота. Свирин вновь отвел обвинения в левом загибе.

В целом накал дискуссии снизился. После выступления Свирина Рабинович продолжил настаивать на левом загибе, в то же время смягчая категоричность обвинения и предлагая Дмитриеву способ исправить «ошибку»:

Товарищ Свирина очевидно спутал, считает, что я обвиняю автора в левом уклоне. <...> Я считаю, что здесь автор допустил одновременную ошибку, которой не определяются его политические взгляды, но это то, что мы называем левый загиб. Может быть, автор в последующем издании выбросит это место, и тогда будет видно, согласен он с этим или нет [Ibid.: 40об.].

Отдельные ошибки были первым шагом превращения писателя в политически ненадежного, второй состоял в обнаружении у автора системы ошибок, что, наконец, завершалось третьим — уклоном. Рабинович оценивал книгу положительно, говорил о том, что ее надо переиздавать. Подобный политический суд во время обсуждения произведения являлся признаком эпохи, и в данном случае был формой «помощи» автору. Политические обвинения, особенно если их не удавалось опровергнуть, служили сильным аргументом для исправления произведения в указанном ключе. В качестве одной из причин нормализации политической оценки текста широким кругом лиц можно назвать то, что произведение воспринималось как достояние «воспитавшей» автора организации и, шире, всего молодого советского государства, так что и дорабатывать его надо было коллективно, с привлечением активных и заинтересованных читателей, критиков и специалистов по военным и идеологическим вопросам.

Некоторые прозвучавшие во время обсуждения повести обвинения были следствием исключительно политической борьбы, в этих случаях помощь автору не входила в задачи критика. Показателен следующий эпизод. Реакцию вызвала не повесть Дмитриева, а статья о ней Свирина. П. Федотов [1932: 15] обвинил Свирина: «<...> разве официально признав и осудив свои ошибки, можно их замалчивать в творчестве своего соратника по “Литфронту”?»». Согласно Федотову, для Дмитриева как для представителя внутрирапповской оппозиции, характерен схематизм, т. е. простые и однозначные образы, и Свирина, говоря о психологическом методе Дмитриева, стремился этот факт скрыть. Руководство РАПП, линию которого поддерживал Федотов, выступало за психологизм и отражение в литературе «живого человека». К моменту публикации статьи группа «Литфронт» уже год как была распущена под давлением основных сил РАПП¹⁴. Текст Свирина стал мишенью из-за места издания (рапповский журнал «На литературном посту» [Свирина 1931а]), а также ведущей роли критика в теоретических спорах: на 3-й конференции ЛАПП, проходившей в мае 1930 г., он выступил на стороне блока, получившего в августе название «Литфронт», и внес вклад в формирование его теоретической платформы.

¹⁴ О противостоянии руководства РАПП и группы «Литфронт», образованной внутри литературной организации, см.: [Шешуков 2013: 259–278]. В группу входила большая часть Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФ.

После завершения борьбы вокруг «Литфронта» неправы оказались обе стороны. Сторонников лозунга «живого человека» можно было обвинить в индивидуализме и пренебрежении классовым, типическим, противников — в схематизме. Как отмечает А. Л. Юрганов, «любой тезис — и за, и против психологизма — предполагал ложь: <...> оценка истинного ответа зависит от того, у кого права на владение, пользование и распоряжение “генеральной линией”» [Юрганов 2017: 214]. «Генеральную линию» во время обсуждения повести каждый трактовал по-своему. Дмитриева успели обвинить и в излишнем, и в недостаточном психологизме, причем применительно к одному и тому же персонажу: Федотов назвал ответственного секретаря партийной ячейки Нестерова «несложным» краснофлотцем» [Федотов 1932: 15], Рабинович же сопоставил его с образом Шорохова из романа Ю. Н. Либединского «Рождение героя» (именно с критикой этого романа выступали литфронтовцы) и увидел ошибку автора в погоне за «живым человеком», т. е. речь шла о излишней сложности и неоднозначности образа [РО ИРЛИ 23: 12 об.].

Дискуссия обнаружила расхождение мнений и по многим другим вопросам. Устное обсуждение позволяло спорить, даже не обращаясь к автору: спорили о том, раскрыл ли Дмитриев эпиграф и показал ли овладение техникой; нужно ли было говорить о колебаниях Лев-Карачевского; не слишком ли часто автор дает пейзажи; и др. Еще одним видом претензий, которые сложно отнести напрямую к самому произведению, было перечисление того, о чем Дмитриеву следовало рассказать дополнительно: о вербовке на сверхсрочную службу, о шефской работе, о волевом командире и проч.

Обсуждение было насыщено противоречащими друг другу обвинениями, что дает представление о характерной для писателя роли «неправого» в любом случае. Однако можно выделить и ожидания от писателя, с которыми соглашались несколько критиков, что может свидетельствовать о тенденциях и формировании общепринятой системы требований к произведению. Изменения при переиздании повести позволяют проследить, какие из этих ожиданий Дмитриев решил оправдать.

Изложенное в книге, несмотря на авантюрный сюжет, воспринималось как правдоподобный случай¹⁵. Одним из источников линии Лев-Карачевского стали происходившие в стране события, инициированные и срежиссированные государством. Повесть Дмитриева вошла в план издания книг серии «Литература и война», составленный осенью–зимой 1930 г., в период, когда в газетах регулярно публиковались

¹⁵ О фантастичности сюжета повести писал Е. А. Добренко [1993: 172].

сообщения о процессе промпартии. Вероятно, в это время велась работа над произведением. Оно было датировано автором 1929–1930 гг.; судя по договору между Дмитриевым и Государственным издательством художественной литературы от 26 февраля 1931 г., рукопись была представлена к моменту составления документа [РО ИРЛИ 113: 1].

«Промышленной партией» называли организацию, в которую входила научно-техническая интеллигенция. Следствие вылилось в публичный процесс, который широко освещался и представлял подробности заговора: целью организации было названо свержение советской власти, осуществить которое должны были помочь страны-противники. Ведущую роль в организации якобы готовившейся интервенции играли Франция и Англия, которые собирались действовать летом 1930 г. с привлечением Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии. Затем, согласно обвинительному заключению, кампания была перенесена на 1931 г. и основной целью интервентов стал Ленинград [Б. п. 1931а]¹⁶. Именно о нападении на Ленинград с моря шла речь в произведении Дмитриева.

Дело промпартии не было названо в повести, зато о нем регулярно говорили критики и читатели. Так, Свиринов называл героя повести Васнецова «агентом “промпартии”» [Свиринов 1931а: 16]. Рабинович рассматривал сюжет книги как возможную версию событий: «в свете процесса “промпартии”, вскрывшего механику подготовки интервенции, вопрос о непосредственном поводе, толчке для начала ее, приобретает особый интерес» [Рабинович 1931]. Во время устного обсуждения книги он приравнивал «показания» писателя и обвиняемого по процессу промпартии:

<...> если вы вспомните пояснение Рамзина на процессе промпартии, то увидите, что автор совершенно правильно показал, что война может начаться в каждую любую минуту. Помните, Рамзин писал: «Начало военных действий предполагалось выступлением Румынии после того, как будет спровоцирован какой-нибудь конфликт». То же показывает и автор — провоцируется определенный конфликт [РО ИРЛИ 23: 5].

Книга ставилась в один ряд со свидетельскими показаниями не потому, что показания эти воспринимались как вымысел, а потому, что повесть виделась источником сведений о реальности.

Попытка автора сделать события условными не помогла. Процесс был известен всем, опора на него не вызывала у читателей сомнений.

¹⁶ Тот же сюжет (организация Англией и Францией провокативного нападения на СССР с помощью прибалтийских государств, Польши и Румынии, ответ Союза на которое становится поводом для развертывания войны) был использован при составлении легенды военно-писательской игры, прошедшей в мае 1931 г. (об организации игры см.: [Сысоева 2019]).

Служившие в Кронштадте моряки, встреча Дмитриева с которыми произошла 8 октября 1931 г., раскрыли еще один источник сюжета. Хотя названия крейсера, на котором разворачиваются основные события, в повести тоже нет, моряки во время обсуждения уверенно говорят о «Профинтерне». Дмитриев служил на «Профинтерне» в 1925–1926 гг. Крейсер ушел в заграничное плавание в 1929 г., завершил его в Севастополе и остался на Черном море. Первые соцсоревнования начали проводиться в стране в 1929 г. О соцсоревнованиях на безымянном крейсере шла речь в повести Дмитриева, это послужило поводом для следующего упрека:

Недостатком является то, что я лично не представляю себе, какое же это время описывается — то ли это до нашей эры, до наших событий, до современного момента, то ли после. Тут какая-то недоговоренность, которая является недостатком для своего произведения, потому что не знаешь, как реагировать. Лично у нас на подплаве командиры заявляют, что это не верно, что автор чуть не брешет, извините меня за выражение. Почему? Потому что он дает «Профинтерн», дает столкновение его с датским или норвежским транспортом, и в то же время приводит соцсоревнование — тогда соцсоревнования у нас не было. Такие факты вводят в заблуждение — приходится думать, какой же момент в этой книге описан, — современная жизнь или что-то другое [РО ИРЛИ 24: 56].

Читатели легко угадывали обстоятельства и настаивали на точности, что выдает представление о том, что писатель должен изображать окружающую действительность буквально. На самом деле этого было недостаточно.

В своей рецензии на повесть Соболев [1931: 60] утверждал, что «сила литературной выдумки прямо пропорциональна ее правдоподобию», при этом говорил о неправдоподобии финала: согласно Соболеву, раз руководство флота не отменило маневры, несмотря на наличие иностранных судов, политическая обстановка была спокойной, «и выдумка превращается из предвидения событий в фантастику» [Ibid.]. Из соединения этих двух утверждений можно вывести определение художественного вымысла как правдоподобного предвидения событий. Но не всякое предвидение событий устраивало критиков и читателей.

Вскоре после образования ЛОКАФ Дмитриев сделал доклад о творческих качествах, которые ожидалась от авторов, с примечательной правкой: в его речи слово «правильность» было заменено на «правдивость»:

<...> высокие темпы в творческой практике писателей, злободневность и гибкость, политическая заостренность, бодрость и [правильность] \ правди-

вость/ в сочетании с высоким художественным качеством должны лежать в основе творчества каждого ЛОКАФ'овца [РО ИРЛИ 119: 7]¹⁷.

Как показывает, в частности, разбираемая дискуссия, первоначальное требование правильности было более точным и апелляции Дмитриева к правдивости были отвергнуты.

Дмитриев во время обсуждения повести в редакции журнала «ЛОКАФ», защищая свое право на создание образа сомневающегося комиссара, говорил о правде жизни:

Это такое же положение, какое мы наблюдаем, скажем, на собрании, когда ставится вопрос и голосуют за и против. Те, которые голосуют против, они все же должны выполнять партийные решения так же, как и те, которые голосовали за. А то, что они иногда колеблются, это ничего не значит. Но в большинстве случаев этого не бывает. Наша партия тем и сильна, что умеет подчинить меньшинство решению большинства и меньшинство выполняет решения большинства. Все-таки люди остаются людьми, и это нужно иметь в виду [РО ИРЛИ 23: 37].

Произошел конфликт между той правдой, которая выростала из личного опыта автора, и той, которая основывалась на транслируемом властью мифе о стране строящегося социализма. Подчинения меньшинства было уже недостаточно, само наличие несогласного меньшинства постепенно становилось фактом, который стоило искоренить, а пока этого не произошло, хотя бы не показывать в произведениях. По словам Рабиновича, появление образа колеблющегося комиссара — «это будущая медвежья услуга партийному руководству Красной армии, которое проводит линию, с каковой оно само не согласно» [Ibid.: 80б.]. Конфликт между тем, что есть, и тем, как должно быть, проявился также, когда Дмитриев спорил по поводу того, можно ли показывать панибратство среди командного состава: «Вы указываете, что панибратство на флоте вообще не существует, а я скажу, что это неверно. (ГОЛОС. — Но это нужно изжить). Это другое дело. Я показывал не то, что надо изжить, а то, что имеет место» [РО ИРЛИ 24: 80]. Читатели же считали, что писатель должен нарисовать образ желаемого будущего, в котором борьба с недостатками уже завершена. Требовались одновременно и точность в следовании за реальностью, и опережение ее в соответствии с партийными установками¹⁸.

Недостатком книги считалось то, что она устарела, как только вышла из печати. Это отмечали и моряки, и критики, обращая внимание

¹⁷ Квадратными скобками обозначен зачеркнутый текст, косыми чертами — вставка.

¹⁸ См. о модальной двойственности советского романа, показе того, «что есть» и того, «что могло бы быть» / «что должно быть»: [Кларк 2002: 39–43].

на разные признаки. Так, С. Г. Галышев, один из локафовских авторов, служивший во флоте, сделал акцент на работе с топливом:

Мне кажется, что книжка эта частично устарела. Доказательством этого может служить одна коротенькая фраза, где говорится, что дым висел черным облаком. Достаточно привести эту короткую фразу, чтобы понять, что книга устарела. Мы боремся сейчас за бездымность, целые совещания посвящаются этому вопросу, мы бьемся за бездымность, за экономию топлива. Мне кажется, это обстоятельство говорит не в пользу книги, а говорит о том, что она устарела [РО ИРЛИ 24: 40].

Логика в этом случае та же, что и в связи с упреком в панибратстве — раз проблема обсуждается, то она уже должна быть решена, по крайней мере в книге.

Свирин и Соболев говорили о процессах, захвативших всю страну. Они выдвинули требование предугадывать быстро меняющуюся политику партии, ведь иначе «книга уже не организует читателя в правильном направлении» [Свирин et al. 1931], а функция влияния на читателя воспринималась локафовцами как ключевая для литературы. Критики в качестве основного недостатка называли то, что «молодой автор не сумел настолько глубоко проникнуть в сложный процесс расслоения старых специалистов, чтобы проследить в нем элементы будущего поворота нашей политики по отношению к старым кадрам» [Ibid.]¹⁹.

Требование предсказать будущее читалось и в тексте Рабиновича. Дмитриев не спорил с этим во время обсуждений, однако оставил помету на полях стенограммы (это единственный его комментарий на весь документ) напротив записи «если бы Дмитриев предвидел опасность механического перенесения методов и форм соцсоревнования <...> А он имел возможность это сделать»: «почему я имел эту возможность?» [РО ИРЛИ 23: 13]. Писатель столкнулся с невыполнимым требованием. Ожидание, что он сможет показать развитие советского общества на шаг вперед, исходило во многом из представления о марксистском чтении истории в советском изводе как о методе с невероятно широкими возможностями; автор, опираясь на социально-экономический анализ, должен был понять, как будет развиваться история. Предсказуемые неудачи приводили к универсальному упреку «слабовато с диалектикой» [Ibid.: 14].

Книга, претендовавшая на то, что она отражает текущий момент, устаревала после очередного объявления об изменении политики партии. Обращение к историческим сюжетам, официальная оценка которых уже устоялась, было способом избежать подобных замечаний.

¹⁹ Так политика по отношению к старым специалистам ставилась в прямую зависимость от самих специалистов.

Много внимания в ходе обсуждений, помимо вопросов правдоподобного и правильного предвидения событий, было уделено положительному герою-большевику. Сомнения Базанова отмечались как недостаток несколькими критиками. На встрече с моряками в Кронштадте Дмитриев продолжил выступать против упрощения образа: «Как будто комиссар должен быть железобетонным!» [РО ИРЛИ 24: 80]. Действительно, образ героя с «твердокаменной преданностью и железной верностью революции» высмеивался в мае 1930 г. в сборнике «Залп» [Ваза 1930: 46] (издании, писателю известном: сборники были предшественниками журнала, в котором в 1931 г. Дмитриев работал заместителем ответственного редактора). Однако схематизм, в котором зачастую упрекали авторов, оказался менее существенным изъяном, чем недостаточно правильный положительный герой, на роль которого больше всего подходил Базанов, отвечавший за партийную работу дивизиона.

Автор изменил сцену спора Базанова со Смеховым в следующем издании 1932 г. (информация о книге появилась уже в июльском номере «Книжной Летописи»). Была снята фраза «Но Базанов был со многими мыслями Смехова невольно согласен» [Дмитриев 1931: 92; Idem 1932: 85], а реплика «Свои сероваты еще, не доперли, — кидал военкомдив в бороду Смехова, но сам в душе соглашался с Иваном» получила новое звучание: «Свои сероваты еще, не доперли, да и не понимаешь ты ни черта в политике партии на счет старой интеллигенции. Ты близорук, дальше своего корабля не видишь... — кидал военкомдив в бороду Смехова» [Idem 1931: 91; Idem 1932: 84].

Этой важной правки Свириин не заметил. В ноябре 1932 г. в набор был сдан сборник статей критика, в одной из которых он сообщил, что Базанов «со многими мыслями Смехова в душе соглашается» [Свириин 1933: 115]. Даже в предисловии к четвертому изданию 1936 г. (повесть уже в третий раз публиковалась с измененной сценой спора) Свириин отметил, что «Базанов, представляющий в книге партийное руководство, хотя и соглашается со многими мыслями Смехова, но в основном дает все же отпор его спецедействию» [Дмитриев 1936: 7]. Спор о том, можно ли выводить в произведении сомневающегося представителя партийного руководства, оказался важнее нового варианта текста, да и от ошибки, даже исправленной, писателю было сложно избавиться.

В 1931 г. уже было понятно, что при показе большевика автор может себе позволить меньше вольностей, чем при показе героя беспартийного. Дидактическая функция, важная для произведений сталинской эпохи, влекла за собой четкое деление персонажей на положительных и отрицательных. Принадлежность партии маркировала героя как положительного, того, кому читатель будет подражать.

Существовала градация партийных персонажей. Так, при разборе повести Дмитриева основное внимание уделялось Базанову как старому партийцу: он готовил почву для победы большевиков еще до революции. Нарекания вызывал и другой персонаж, Гриша Нестеров: он недавно вступил в партию, зона ответственности его была меньше (секретарь партийной ячейки). И споры вокруг образа Гриши были менее продолжительными, они не выливались в политические обвинения автора. Претензии вызвал роман Гриши с неподходящей женщиной, дочерью капитана старого флота, а особенно то, что из-за этого он начал меньше внимания уделять партийной работе. Критик из политического управления армии В. М. Мирин сообщил автору, что от него требуется:

Вина автора не в том, что он Гришку спутал с Таней. Дело человеческое, и зарекаться не приходится, тем более что Дмитриев не пытался писать о них для того, чтобы подчеркнуть физиологические свойства Гриши <...> беда, что Гриша — нехороший секретарь ячейки. (ДМИТРИЕВ: Так и надо было сделать). Это — путь очень скользкий, потому что если так надо было сделать в отношении Гриши, то в этом еще ничего удивительного нет, но почему же вы не показали секретаря ячейки, а вы в данном случае обрисовали нам человека, может быть, случайного, не руководящего партработой, может быть — это живой человек, но он не характеризует партийную организацию флота. А мы требуем от нашего автора, чтобы он показал нам партийную организацию, руководящие кадры партийной организации [РО ИРЛИ 23: 22–22об.].

Так что правильные руководящие кадры партийной организации не должны заводить романы, мешающие партийной работе, а произведение должно показывать хотя бы одного безупречного героя-большевика без колебаний, увлеченного своей работой и организующего, воспитывающего остальных.

Во время обсуждения также часто поднимался вопрос, который не был связан с сюжетом и имел отношение к форме произведения, — это вопрос о допустимости использования сниженной лексики. Мирин говорил о влиянии В. В. Вишневского на Дмитриева в связи с языком краснофлотцев, что считывалось как упрек в излишнем употреблении жаргона, так что следующий выступавший выдвинул опровержение: «<...> если раньше у Вишневского мы видели нарочитое подчеркивание матросского жаргона, то у Дмитриева он незаметен, хотя иногда проскальзывает кое-какое исковерканное слово» [Ibid.: 24об., 27об.].

В целом язык отмечался как достоинство книги («книга написана не жаргоном, а общепринятым человеческим языком, который понятен для гражданского населения» [РО ИРЛИ 24: 55]), выгодно отличавшее его от произведений Вишневского, в первую очередь его пьесы

«Последний решительный», считавшейся неудачной. В случае со вторым изданием можно предположить, какие именно замечания подтолкнули автора к правке языка: они не были связаны с претензиями к его нелитературности. Так, вышеупомянутый Воронежский отметил в качестве недостатка пренебрежительное название молодых командиров Сундуковым [Ibid.: 84], и автор заменил в речи персонажа «пацаны» на «гвозди», «красные-то сосуны» на «наши-то» [Дмитриев 1931: 18, 21; Idem 1932: 15, 18]. Свириин похвалил писателя: «До сих пор у нас в современной литературе были только братишки. Дмитриев делает шаг вперед» [РО ИРЛИ 23: 32 об.]. И Дмитриев, оправдывая оценку критика, в авторской речи заменил слово «братва» на «краснофлотцы» [Дмитриев 1931: 63; Idem 1932: 57]. Третье издание (согласно договору, его рукопись необходимо было предоставить 21 марта 1934 г. [РО ИРЛИ 113: 8]) готовилось в разгар начатой М. Горьким дискуссии о языке, в ходе которой было выдвинуто требование простоты и ясности стиля. Однако язык Дмитриев менять не стал. Основная правка была внесена в четвертое издание. Писатель уже не работал с текстом. Больной туберкулезом, он летом 1935 г. уехал в Крым в санаторий и планировал вскоре вернуться, но болезнь не отступала, лечение затянулось, а Дмитриев переезжал из одного санатория в другой. Свириин в письме от 22 декабря 1935 г. сообщил ему: «В плане на 1936 г. стоит переиздание "Адмирала Макарова", чему я сердечно рад» [РО ИРЛИ 91: 42]. Книга вышла в 1936 г. (была сдана в набор 26 мая 1936 г.), в нее вошла также повесть «Есть — вести корабль». Предисловие, написанное ответственным редактором Свириным, начиналось с фразы: «15 января 1936 года телеграмма Бориса Лавренева из Ялты принесла горькую весть о смерти Адама Дмитриева» [Дмитриев 1936: 3]. В письме Вишневному Свириин сообщил, что редактировал посмертное издание критик и их общий с Дмитриевым друг М. Г. Майзель [РГАЛИ 3076: 151об.].

В 1931 г. язык повести воспринимался как правильный, литературный, к 1936 г. эта оценка изменилась. В 1931 г. Локафовец, служивший на флоте, А. Н. Алексеев-Гай в качестве недостатка даже отметил, что «отсутствует морской жаргон, отсутствуют образные, чисто морские словечки» [РО ИРЛИ 24: 32]. В 1936 г. была внесена последовательная правка в речь героев. В реплике молодого командира слово «зенки» заменено на «глаза» [Дмитриев 1934: 22; Idem 1936: 34], в словах Нестерова выражение «терла волынку» — на «тянула» [Idem 1934: 88; Idem 1936: 93], в рассказе Базанова снята фраза «Клала она крестообразно на всех, отшивала самых хлестких...» [Idem 1934: 128; Idem 1936: 127], из мыслей Калинникова — «Эх ты, распротуды-туды!...» [Idem 1934: 36; Idem 1936: 48] и др. Правке подверглась и авторская речь — слово

«похабный» было исправлено на «скверный» [Idem 1934: 49; Idem 1936: 58], выражение «закидывал глаза» на «заглянул» [Idem 1934: 14; Idem 1936: 27] и т. д. Также уменьшилось количество морских терминов: в речи Смеловича «начинают лепить на живой штерт» было изменено на «начинается гонка, суматоха» [Idem 1934: 118; Idem 1936: 118], при описании Смехова выражение «ссаженный, как кнехт» на «здоровый» [Idem 1934: 100; Idem 1936: 103] и др.

Внимание к языку произведения во время обсуждений 1931 г. говорит о том, что требование писать простым и литературным языком начало формироваться, история текста свидетельствует об ужесточении его ко второй половине 1930-х гг.

Рассмотренная в статье дискуссия — частный случай, только ее материалов недостаточно для того, чтобы строить выводы о литературном процессе в целом, однако стоит отметить, что основные предъявленные во время обсуждений требования к писателю отразили движение советской литературы начала 1930-х гг. к единому регламентированному методу. Писатель должен был правдоподобно изображать желаемый образ действительности в соответствии с текущей политикой партии, предлагая читателю образец для подражания — положительного героя-большевика. Обсуждения произведений в критических статьях и на заседаниях влияли на правку текста в переизданиях, в некоторых случаях превращая ее в способ отвести от себя политические обвинения и доказать верность партийной линии.

Сокращенные названия архивов

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (С.-Петербург)

Библиография

Источники

Б. п. 1931а

Б. п., Обвинительное заключение, *Процесс «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу*, Москва, 1931, С. 7–44.

Б. п. 1931б

Б. п., Речь тов. Сталина и задачи РАПП, *На литературном посту*, 1931, август, 24, 1–4.

Гронский 1932

[Гронский И. М.,] Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков. На собрании актива литкружков Москвы, *Литературная газета*, 1932, 23 мая, 23 (192), 1.

Ваза 1930

Ваза С., Литературные опыты тов. Начи́нающего, *Залп. 3 очередь: Литературно-художественный сборник красноармейского творчества*, Ленинград, 1930, 45–48.

Вишневский 1931

Вишневский В., *Последний решительный*, Ленинград, 1931.

Дмитриев 1931

Дмитриев А., *Есть — вести корабль*, Ленинград, 1931.

— 1932

Дмитриев А., *Есть — вести корабль*, 2-е изд., Ленинград, Москва, 1932.

— 1934

Дмитриев А., *Есть — вести корабль*, 3-е изд., Ленинград, 1934.

— 1936

Дмитриев А., *Есть — вести корабль. Адмирал Макаров*, 4-е изд., Свирин Н., отв. ред., Ленинград, 1936.

РГАЛИ 3076

РГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 3076, Свирин Н. Г., *Письма Вишневскому В. В.*

РО ИРЛИ 23

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 23, Дмитриев А. М., *Дискуссия по поводу повести его «Есть — вести корабль» в редакции журнала «ЛОКАФ». Стенограмма.*

— 24

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 24, Дмитриев А. М., *Литературный диспут по разбору книги его «Есть — вести корабль» в Кронштадте. Стенограмма.*

— 54

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 54, Дмитриев А. М., *Письмо Субоцким М. М. и Л. М.*

— 64

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 64, Друзин В. П., *Письма Дмитриеву А. М.*

— 91

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 91, Свирин Н. Г., *Письма Дмитриеву А. М.*

— 94

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 94, Соболев Л. С., *Письма Дмитриеву А. М.*

— 112

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 112, Дмитриев А. М., *Заявление его в комиссию по приему в Союз советских писателей.*

— 113

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 113, Дмитриев А. М., *Договора его (7) с Государственным издательством, Издательством писателей в Ленинграде и др. на издание книг «Есть — вести корабль» и «Адмирал Макаров».*

— 119

РО ИРЛИ, ф. 715, оп. 1, ед. хр. 119, Дмитриев А. М., *За мобподготовку литературы.*

Рабинович 1931

Рабинович С., Книга больших проблем и нечетких решений, *Литературная газета*, 1931, 20 июля, 39 (138), 3.

Свирин 1931а

Свирин Н., На фронте оборонной тематики. О романе А. Дмитриева «Есть — вести корабль», *На литературном посту*, 1931, ноябрь, 33, 16–21.

— 1931б

Свирин Н., Литература и война, *Idem, Литература и война*, Ленинград, 1931, 5–22.

——— 1933

Свирин Н., Повесть о Красном флоте, *Идем, Мобилизация литературы*, Ленинград, 1933, 106–118.

Свирин et al. 1931

Свирин Н., Соболев Л., Есть — вести корабль!, *Красная газета. Вечерний выпуск*, 1931, 24 авг., 199 (2866), 3.

Соболев 1931

Соболев Л., Есть — вести корабль, *Залп*, 1931, 10, 55–60.

Сталин 1951

Сталин И. В., *Сочинения*, Москва, 1951, т. 13: июль 1930 — январь 1934.

Федотов 1932

Федотов П., О творчестве А. Дмитриева, *Резец*, 1932, февраль, 6, 14–16.

Литература

Гюнтер 2000

Гюнтер Х., Жизненные фазы соцреалистического канона, Гюнтер Х., Добренко Е., общ. ред., *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000, 281–288.

Добренко 1993

Добренко Е., *Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении*, Мюнхен, 1993, 161–171.

——— 2000

Добренко Е., Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ, Гюнтер Х., Добренко Е., общ. ред., *Соцреалистический канон*, С.-Петербург, 2000, 225–241.

Закружная 2019а

Закружная З. С., *История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН)*, дис. ... канд. филол. наук, Москва, 2019.

——— 2019б

Закружная З. С., Литературное объединение Красной армии и флота и Союз советских писателей: к вопросу об истоках соцреализма, *Studia Litterarum*, 2019, 4/2, 44–61.

Кларк 2002

Кларк К., *Советский роман: история как ритуал*, Литовская М. А., пер. с англ., ред., Екатеринбург, 2002.

Полякова 1974

Полякова Г. Г., Архив А. М. Дмитриева, Муратова К. Д., отв. ред., *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год*, Ленинград, 1974, 49–54.

Сысоева 2019

Сысоева А. В., Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями, *Русская литература*, 2019, 4, 159–165.

——— 2020

Сысоева А. В., Военизаторские курсы 1931 года в Ленинграде как способ формирования советской оборонной литературы, *Новое литературное обозрение*, 2020, 164, 123–134.

——— 2021

Сысоева А. В., Литературное объединение Красной армии и флота: пропаганда и творчество, Царькова Т. С., отв. ред., *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год*, С.-Петербург, 2021, 56–61.

Шешуков 2013

Шешуков С. И., *Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов*, Москва, 2013.

Шошин 2006

Шошин В. А., Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной армии и флота (1930–1934), Муромский В. П., отв. ред., *Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы*, С.-Петербург, 2006, кн. 2, 160–189.

Юрганов 2017

Юрганов А. Л., Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом, *Россия и современный мир*, 2017, 3 (96), 200–221.

— 2020

Юрганов А. Л. *Культ Ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.)*, Москва, С.-Петербург, 2020.

References

- Dobrenko E., *Metafora vlasti. Literatura stalinskoj epokhi v istoricheskom osvshchenii*, Munich, 1993, 161–171.
- Dobrenko E., Oboronnaia literatura i sotsrealizm: LOKAF, Giunter Kh., Dobrenko E., eds., *Sots-realistskii kanon*, St. Petersburg, 2000, 225–241.
- Giunter Kh., Zhiznennye fazy sotsrealisticheskogo kanona, Giunter Kh., Dobrenko E., eds., *Sots-realistskii kanon*, St. Petersburg, 2000, 281–288.
- Iurganov A. L., Kak tovarishch Stalin stal rukovodit' literaturnym frontom, *Rossia i sovremennyi mir*, 2017, 3 (96), 200–221.
- Iurganov A. L. *Kul't Oshibki. Teoreticheskii front i Stalin (sередina 20-kh – nachalo 30-kh gg. XX v.)*, Moscow, St. Petersburg, 2020.
- Klark K., *Sovetskii roman: istoriia kak ritual*, Litovskaia M. A., transl. from Eng., ed., Yekaterinburg, 2002.
- Poliakova G. G., Arkhiv A. M. Dmitrieva, Muratova K. D., ed., *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1972 god*, Leningrad, 1974, 49–54.
- Sysoeva A. V., Emergence of the Soviet Military Propaganda in Leningrad of the Early 1930th: the New Method of Working with Writers, *Russkaia literatura*, 2019, 4, 159–165.
- Sysoeva A. V., The Militarization of Writers in Leningrad in 1931 as a Means of Creating Soviet Defense Fiction, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, 164, 123–134.
- Sysoeva A. V., Literaturnoe obedinenie Krasnoi armii i flota: propaganda i tvorchestvo, Tsar'kova T. S., ed., *Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House for 2020*, St. Petersburg, 2021, 56–61.
- Sheshukov S. I., *Neistovye revniteli: iz istorii literaturnoi bor'by 20-kh godov*, Moscow, 2013.
- Shoshin V. A., Leningradsko-Baltiiskoe otdelenie Literaturnogo obedineniia Krasnoi armii i flota (1930–1934), Muromsky V. P., ed., *Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы*, St. Petersburg, 2006, кн. 2, 160–189.
- Zakruchnaia Z. S., Literary Association of the Red Army and Navy and the Union of Soviet Writers: Unpacking the Origins of Socialist Realism, *Studia Litterarum*, 2019, 4/2, 44–61.

Анастасия Владимировна Сысоева, кандидат филологических наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии
наук, научный сотрудник Рукописного отдела
199034, Россия, г. С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Россия / Russia
sysoevaav@gmail.com

Received January 9, 2022